

Не прошло и нескольких минут, как в магазин снова вошли. Двое, один высокий, другой пониже, зашли один за другим. Их рост сильно отличался, примерно на десяток сантиметров.

Си Юнь взглянул на них и тихо сказал Инь Чжосину:

— Это же Цзинь Ци и Пэй Цзинлань!

Инь Чжосин равнодушно ответил:

— Ага.

Си Юнь стукнул его по голове:

— Ты такой холодный!

— Это ты слишком возбуждён, — ответил Инь Чжосин, — так внимательно следишь за Цзинь Ци, ты что, влюбился в него?

Си Юнь надулся:

— Я натурал, ясно?

Они говорили очень тихо и сидели в самом углу, за высокими стеллажами, поэтому Пэй Цзинлань и Цзинь Ци их не заметили и продолжали разговаривать.

— Лань-гэ, ты злишься...? — Цзинь Ци, похоже, немного боялся Пэй Цзинланя, говорил с ним тихо и осторожно.

— Я не на тебя злюсь, это мои дела с отцом, — Пэй Цзинлань в частной обстановке был не таким высокомерным, как вчера на сцене. Или, возможно, он просто не мог говорить слишком резко с этим пугливым, как кролик, юношей.

Цзинь Ци набрался смелости и сказал:

— Лань-гэ, я думаю, тебе стоит ещё раз хорошо поговорить с директором Пэем, возможно, он поймёт тебя?

— Ага, понял, — Пэй Цзинлань лишь сухо ответил и сразу сменил тему, — что хочешь поесть? Я угощаю.

— А? Ну... — Цзинь Ци посмотрел на полки, сомневаясь, — может, рисовая колобка с тунцом или суши-ассорти?

Пэй Цзинлань взял оба варианта:

— Тогда возьмём оба.

Сказав это, он направился к отделу с напитками.

Цзинь Ци побежал за ним, говоря:

— Столько я не съем...

— Что не съешь, доем я, — Пэй Цзинлань ответил без колебаний.

Двое за столом тихо ели, хотя и не намеренно подслушивали, но всё же услышали разговор Пэй Цзинланя и Цзинь Ци.

Только когда у входа зазвенел колокольчик, и две фигуры, высокая и низкая, ушли вместе, Си Юнь с трудом произнёс:

— ...Трудно поверить, что сын директора «Цисинь» согласится доедать за своим напарником.

Инь Чжосин, пока Си Юнь отвлёкся, просунул палочки в его коробку и украл кусок говядины.

— Может, это и есть любовь, — лениво сказал Инь Чжосин, подпирая лицо рукой.

— Динь-динь! — Колокольчик снова зазвенел.

— А, — Си Юнь посмотрел на вход в магазин, — твоя любовь пришла.

Инь Чжосин, полный вопросов, посмотрел туда же и увидел Сюй Сяюаня.

— ...Перестань нести чушь, — он беззастенчиво снова взял кусок говядины из коробки Си Юня.

Только тогда Си Юнь заметил, что его обокрали, и с плачем схватился за голову.

Этот плач, как назло, привлёк внимание Сюй Сяюаня.

— Вот ты где, — Сюй Сяюань обогнул стеллаж и увидел Инь Чжосина, сидящего к нему спиной, — у тебя есть время позже? Мне нужно кое-что обсудить.

Инь Чжосин не обернулся, лишь сказал:

— Хорошо, тогда встречаемся на крыше корпуса А в шесть пятнадцать.

— Ага, — ответил Сюй Сяюань.

Инь Чжосин услышал шаги и подумал, что Сюй Сяюань уходит. Но колокольчик не зазвенел, и через несколько минут Сюй Сяюань вернулся к его столу.

Чашка клубничного йогурта была поставлена рядом с рукой Инь Чжосина.

Инь Чжосин слегка повернул голову, глядя на красную клубнику на упаковке, и подумал: «Он всё ещё помнит, что я люблю клубничный вкус».

— Йогурт только холодный. На улице холодно, подожди немного, прежде чем пить, — Сюй Сяюань предупредил и ушёл.

На этот раз он действительно ушёл.

— Как здорово, я тоже хочу, чтобы кто-то угостил меня йогуртом! — Си Юнь с завистью вздохнул, а затем начал бормотать себе под нос, — Я всё больше чувствую, что я как будто лампочка!

Инь Чжосин взял чашку йогурта в руки, чувствуя холод стенок, и провёл подушечками пальцев по поверхности.

— Побрей голову, будет в тему, — беспечно сказал он.

Си Юнь с болью в сердце произнёс:

— Синьсин, ты всё ещё моя хорошая дочка?

Это уже слишком, он зацепил сразу двоих.

— ...Отвали! — уголок рта Инь Чжосина дёрнулся, — Запрещаю называть меня дочкой, слышишь!

Сюй Сяююань взял курицу в соусе орлеан, попросил разогреть её у сотрудника и ушёл из Lawson. На самом деле, до того как войти в магазин, он ещё не решил, что хочет съесть, но увидев, что Инь Чжосин ест это, он просто выбрал то же самое.

Никакой особой причины, просто хотелось есть то же самое, что и он.

Проходя через небольшую площадь, Сюй Сяююань услышал, как его зовут.

— Юань-юань, посмотри на маму! —

Это был мягкий и милый женский голос, громкий, с длинным окончанием, явно желавший привлечь внимание Сюй Сяююаня.

Сюй Сяююань остановился и обернулся, только тогда заметив, что за высокими железными воротами киностудии стояло несколько девушек с камерами.

Несколько из них он узнал — раньше, во время публичных мероприятий в Корее, он видел их много раз, это были постоянные фанатки. Были и незнакомые лица, вероятно, фанаты других трейни, которые уже дебютировали.

Фанатки, увидев, что Сюй Сяююань обратил на них внимание, с радостью подняли свои зеркальные фотоаппараты, продолжая делать «признания в любви», которые заставляли его смеяться и плакать одновременно.

Среди криков «Юань-юань, мама тебя любит», «Юань-юань, ты такой красивый в тренировочной форме», прозвучало одно странное и медленное «Сюй Сяююань, я тебя люблю». Произнесённое медленно, с усилием, с трудом.

Сердце Сюй Сяююаня слегка дрогнуло, и он нашёл источник голоса.

Это была девушка с тёмно-зелёными волосами, её стиль одежды отличался от других, вероятно, она была корейкой.

Увидев, что Сюй Сяююань смотрит на неё, она с радостью помахала ему и крикнула на корейском: «Сяююань-оппа!»

Сюй Сяююань слегка приподнял уголок рта, показав не очень явную улыбку, и сказал ей:

— [Спасибо, что пришла навестить меня.]

Затем он обратился к фанаткам:

— Скоро похолодает, не задерживайтесь допоздна, идите отдыхать пораньше.

Одна из них с заботой сказала:

— Юань-юань, ты сам побольше обращай внимания на здоровье, не перетруждай себя!

— Не волнуйтесь, — Сюй Сяюань засунул руки в карманы куртки, чтобы холодный ветер начала зимы не проникал в рукава, — у меня всё хорошо, и я о себе позабочусь.

Зимой темнело рано, и в начале седьмого уже почти стемнело. Южный ветер был влажным и холодным, пронизывал до костей.

У класса А вечером был урок вокала, начинавшийся в семь, и до этого времени трейни могли распоряжаться своим временем свободно.

Сюй Сяюань в одиночестве поднялся на лифте на последний этаж корпуса А, а затем через аварийный выход поднялся на крышу.

Ночью на крыше было темно и безлюдно. Сюй Сяюань на ощупь нашёл выключатель и включил свет, затем открыл дверь на крышу. Как только он открыл её, на него налетел ледяной ветер, обжигая лицо.

Сюй Сяюань быстро закрыл дверь, вдохнул холодный воздух и подумал, что выбрал неподходящее место для разговора. Но телефон был сдан, и он не мог связаться с Инь Чжосином, чтобы сменить место.

Он подумал и решил сесть у лестницы, ожидая, когда Инь Чжосин поднимется.

После дневных тренировок он устал, и, оперев голову на стену, хотел немного вздремнуть. Но как только он закрыл глаза, веки становились всё тяжелее, и вскоре он уже не мог их открыть.

Инь Чжосин, закутавшись в пуховик, поднялся на верхний этаж и увидел Сюй Сяюаня, спящего у лестницы с расстёгнутой курткой. Он вздохнул, тихо сел рядом, засунул руку под свой свитер, отклеил согревающий пластырь и прикрепил его на тренировочную форму Сюй Сяюаня, затем вытащил из кармана пуховика банку с напитком и вложил её в слегка сжатую руку Сюй Сяюаня.

Их пальцы ненадолго соприкоснулись. Кончики пальцев Сюй Сяюаня были холодными, как лёд.

Сон был драгоценным. Хотя Сюй Сяюань сам назначил встречу, Инь Чжосин не стал будить его.

Инь Чжосин слегка оцепенело смотрел на зелёную подсветку знака «Аварийный выход» на стене внизу и думал, что они с Сюй Сяюанем давно не были так близки.

Три с половиной года пролетели быстро и коротко, но, оглядываясь назад, казались такими медленными и долгими.

Оказывается, они так давно не виделись, что вчера, когда он увидел лицо Сюй Сяюаня в общепитии, ему показалось, что это было в другой жизни.

[Примечаний нет]